

нам решения Путина, казавшиеся невероятными, увенчивались успехом, они были победными. Вторая чеченская война, сулившая гибель чеченскому народу и распад России, была остановлена Путиным, как останавливают на краю пропасти табун обжоревших лошадей. И решения, которые он принял, общаясь с Ахмат-Хаджи Кадыровым, были продиктованы не одним здравым смыслом, не одним стратегическим мышлением. Они были подсказаны свыше.

Возвращение Крыма, этот грандиозный акт, возвращавший России отторнутые земли, суливший много угроз и напастей, которые впоследствии свалились на Россию, этот акт был подсказан силой небесной, подсказан Ангелом Херсонеса. Ибо Россия возвращала себе не просто Крым, но возвращала себе таинственное святое место, где некогда князь Владимир опустил свои столпы в купель, был крещён и понёс по всей России свет православия, который осветил все её самые тёмные уголки, все самые далёкие ледовые побережья. Возвращение Крыма было возвращением Херсонеса — этой священной купели. И построенный Крымский мост был не просто дорогой, по которой катились поезда, пассажиры, танки, товары. Он был световодом, питавшим Россию волшебной энергией Херсонеса, энергией русского бессмертия.

Все войны, которые вела Россия, с кем бы они ни шли — с псами-рыцарями, с ливонскими рейтарами, с польской конницей, с французскими гренадерами, с чёрными эссыцами Гитлера, — всё это были войны за Херсонес.

Потрашающая картина Дейнеки "Защита Севастополя". Из моря выходит грозный десант морской пехоты, моряк заматывает связкой гранат, и фашисты падают, роняют оружие и бегут — не от выстрелов, не от взрывов, а от той мощной исторической энергии, которая сме-

В страшных погублениях девятых годов в России разорилось множество заводов, научных и культурных центров, разорилось народное сознание. И сегодня Россия в великих трудах восстанавливает поруганное и разорённое. Сегодня российские труды — труды священные, о которых говорится, что "в великих трудах добывается Царствие Небесное". В великих трудах Россия движется к своему светоносному победному идеалу. Это труды воскрешения. Всякий, кто роет сегодня траншеи в Донбассе, работает в ночную смену на танковых заводах, в монашеском клобуке днём и ночью молится у алтарей за русское благоденствие, все, кто на месте пепелищ сажает леса и сады, кто в растленную погибшую душу сажает росток яблони с молодильными плодами, — всё это трудники великого русского воскрешения.

Вся русская словесность — это великое таинство воскрешения. В юности я купил томик Бунина с его удивительной "Жизнью Арсеньева". Там был эпиграф, взятый из русских старинных текстов. Он пораил меня, запомнился на всю жизнь, объяснил мне моё будущее творчество, мою жадную погоню за исчезающими событиями, погоню за историей, страх не утнаться за ней, потерять, отпустить в мир теней. "Вещи и дела, аще не написанные бывають, тмою покрываються и гробу беспамятства предаются, написанне же яко одушевление". Я гнался за историей по войнам на всех материках, посещал великие стройки, великие погребения, три великих русских горы — Мамаев курган, Малахов курган, Саур-Могилу. В моих романах и повестях я описывал окружающий меня мир, который исчезал, ускользал, и я стремился его удержать.

Бунин со своей колдовской образительностью, со своим мучительным и сладостным волнованием изображает звук, запах, цвет, след тележного колеса на пыльной

На базе атомных подводных лодок в Гремихе, в этом "городе летающих собак", как его окрестили моряки из-за ужасного ветра, поднимавшего в воздух дворовых собак, я ходил на подводной лодке в плавание, в те места, где много лет спустя трагически погиб "Курск".

В Чернобыле, в белом облачении, с респиратором, я бежал зигзагами по чернобыльской земле, шарахаясь в сторону от лежащих частичек урана, подбираясь к четвёртому, взорванному блоку. Вместе с шахтёрами уходил в глубь земли, к подножию взорванной раскалённой громады, и стоял в штольне, касаясь руками бетонной плиты, над которой кипел и дымился ядовитый уран.

На вертолёте я нависал над этим четвёртым блоком, который, как страшное гипное дупло, дышал на наш вертолёт смертоносными газами. Вместе с войсками химзащиты я обезвреживал территорию третьего соседнего блока, куда упали осколки радиоактивного графита и частички урана. Видел, как из бахил у солдат, выбегавших из отравленного зала, вытекает вода. Солдатский страх исходил потом.

В Семипалатинске на ядерном полигоне я видел, как взрывается гора, отрывается от земли, повисает на мгновение в воздухе, а потом оседает, и ударная волна катится по миру, огибая планету. И мне кажется, что мне по ногам ударили жутким двуглавым, и я чудом устоял на месте.

Я думаю, почему до сих пор не произошла мировая ядерная катастрофа? Почему не взорвались все бесчисленные ядерные головки, которые могут уничтожить всё живое на земле, всех людей, птиц, травинки, всех бактерий в лужах, все летящие по воздуху семена одуванчика? Почему не случилась мировая смерть? Эта смерть удерживается нежностью матери к своему младенцу, этим божественным обожанием. Удерживается тем восхищением, с которым сургутская девочка смотрит на Бо-

воскресает, и стремится к величию. Мне открылось "Вероучение Русской Мечты" о том, что жизнь русского народа не случайна, он создан для великого постижения, великого устремления к своей мечте, к идеальному светоносному бытию, к бессмертному царству. Мне открылись волшебные русские коды, сопутствующие русскому восхождению к мечте. Мне открылась "Религия русской Победы", где русской Победой является одоление адской тьмы и восхождение к негасимому свету бессмертия. И я, стоя перед моим домашним котом и прочитав "Отче наш", повторяю

сти. Здесь я изведал воспитательную любовь, чудесную дружбу, сладость творчества. А позднее поселился в Изборске рядом со старинной могучей крепостью, предаваясь размышлениям о русской истории, её взлётах и падениях, постигая тайну волшебной исторической синусоиды, по которой русское государство возносится к божественному величию, а потом низвергается в пропасть и превращается в руины, сотрясаемые великими потрясениями.

Я мучительно переживал разрывы русской истории, отделяющие одно русское время от другого, одну русскую империю от последующей. Я переживал эти разрывы так трагически, словно линия русской истории проходила через моё сердце, и рвалась моя сердечная аорта. Я хотел соединить разорванные русские времена, чтобы историческая энергия, питающая сегодняшнее хрупкое Государство Российское, изливалась в него из древности без потерь, не утекала в разрывы, как вытекает нефть, вода или газ из разорванного трубопровода. Я мечтал соединить разорванные русские времена, преодолеть разрывы русской истории, чтобы вся мощь русской исторической энергии питала сегодняшних робкий кристаллик Государства Российского, помогая ему вырасти и окрепнуть.

Псковщина — место, где все пять русских империй поцеловали эту благословенную землю, оставили на ней прикосновения своих губ. У меня возникла мысль, похожая на сновидение, — обойти все чудесные места, которых коснулись русские царства, взять оттуда пригоршни земли, в коих запечатлелись русские времена. Перемешать земли, а вместе с ними смешать времена, сложить их в единое непрерывное русское время. Преодолеть раскол времён. Построить таинственный русский реактор, который своей исторической энергией питал бы новое хрупкое Государство Российское. В этом реакторе используется русская теория относительности, где русское пространство переходит в русское время, и смешение русских пространств и русских земель сочетает разорванные русские времена.

Я принялся строить этот реактор, священный Изборский холм. Возмечтал возвести холм и сыпать в него земли всех пяти империй. Так закладывают в атомный реактор горючие элементы, ожидая цепной реакции и потоков светоносной энергии.

Мы с другом выбрали место, где насыпать холм. Обходили опушки, околицы. И вдруг, проезжая по Печерской дороге, мы встали. Машина застыла, не хотела трогаться с места. Мы пробовали сдвинуть её, уговаривали, толкали, чинили — стоит. Отъедвавшись, мы увидели недалеко от дороги в чистом поле маленькую груду камней, какими в древности отмечали захоронения и места молитв. Это просторное поле называлось Сшиб. Здесь сшибались русские и враждебные ратники. Мы осмотрели место и поняли, что лучшего для холма не найти. Мотор моей поддержанной "Волги" заглох по воле Божьей, и мы решили насыпать холм здесь, при дороге.

Собрали разбросанные по берегам Мальского озера огромные валуны, метеориты, как мы их называли, осколки Вифлеемской звезды. Сложили в могучую гору. На вершине водрузили смоляное распятие из сибирской лственницы. И началось землеприношение.

Я копсился в моей старенькой "Волге" по Псковщине и в берестяной туесок забирал земли пяти великих русских империй.

Я побывал на Труровом городище, куда причалил свой чёлн Труров и сел в Изборске, а его брат Рюрик сел в Великом Новгороде. Побывал на Чудском озере, где бился Александр Невский, громя Тевтонский орден. Взял землю в Спасо-Елеазаровском монастыре, где подвизался старец Филофей. Наполнил туесок землёй Псковско-Печерского монастыря, куда явился Грозный царь и отбёк мечом голову Корнилию, впоследствии прославленному. Я побывал у псковских стен, где Пётр Первый, ожидая нашествия шведов, насыпал бастионы и расставил орудия. Взял землю в Выбутах, где родилась княгиня Ольга и на переправе встретила князя Игоря. Взял землю в местечке Будник, где упала Вифлеемская звезда и родился князь Владимир, креститель Руси. Взял землю в селе Михайловское, усадьбе Пушкина, рождение которого в недрах трёхсотлетней Романовской империи было волшебным. Был на станции Дно, где остановился роковой императорский поезд, царь подписал отречение и начался его крестный путь на Голгофу, в подвал Ипатьевского дома. Взял землю на реке Черёхе, где 23 февраля 1918 года красным артиллерийским расчётом был отбит кайзеровский бронепоезд. И с тех пор этот день празднуется в России как День защитника Отечества. На лесной поляне, где Александр Матросов закрыв своей грудью немецкий дот, я сыпал в туесок ту благословенную землю. Взял землю из расположения

десантного полка, откуда 6-я воздушно-десантная рота ушла в Чечню и легла там костями. На острове Залит взял землю с могилы отца Николая. В глубоких катакомбах, в пещерах монастыря взял землю с могилы Иоанна Крестянкина.

Все эти земли я сыпал в воздвигнутый холм. Когда последняя горсть земли была сыпана и Псковский владыка Евсевий освятил холм, случилась чудесная вспышка. Каменный холм стал стеклянным. Внутри стекла бушевал огонь. Холм превратился в русский реактор, откуда энергия хлынула по всему световоду русской истории, напоила сегодняшнее робкое древо русской истории. Из небес на распятие слетела птица, огромный аист. Он наблюдал с распятия за толпами, собравшимися на освящение креста со всей Псковщины. А потом вещая птица слетела в толпу, ходила среди людей, и люди кормили её яблоками, пирогами.

С тех пор на этом месте совершаются чудеса. В ночных небесах возгораются алые кресты. Молодожёны в свадебных нарядах приходят сюда, чтобы получить от холма благословение. Сюда стекается множество самых разных земель, со всех великих русских пространств. Здесь есть "земляное Евангелие", принесённое из Святой Палестины. Есть крупитцы лунного грунта. Есть подаренная легендарным поляриником Чилинаровым земля, добытая со дна океана на полюсе. Сюда снесли свои земли бойцы Донбасса — земли Авдеевки, Бахмута, земли из-под Херсона и Харькова.

Этот холм благоухает, как дивный поднебесный цветок. Он изливает свои благословенные силы, как "мёртвую" и "живую" воду, на все русские времена, совершая таинственное воскрешение, соединение всех пяти русских империй в благословенное Русское царство, Святую Русь.

С моими друзьями из Изборского клуба мы приехали к холму, чтобы поклониться кресту. Я просил командующего Дальней авиацией прислать к нам на крест бомбовоз, носящий имя "Изборск". Лётчики согласились лететь, но не знали места, где следует пролететь бомбовозу. Они искали его на карте вокруг Изборска, и нашли крохотную точку, отмеченную не поселениями, а малым бугорком. Этим бугорком был наш священный холм. На карте стратегических бомбардировщиков это место значилось как "Начало земли русской". Провидением, не ведая, мы насыпали холм на таинственной скважине, из которой хлынули на Русь несметные силы и образовали Россию. А потом эти силы из Псковщины по световоду долетели до Крыма, и земля российская превратилась в Русь православную. Два креста — один, что на Изборском холме, другой, что в Херсонесе, являются крестами-побратимыми, крестами русского бессмертия.

Я подхожу к Изборскому холму и прикладываюсь к каменным глыбам, к небесным метеоритам, целую Вифлеемскую звезду, просиявшую над святым младенцем. Я прикладываюсь к смоляной лственнице, божественному древу, уходящему своей вершиной к свету Фаворскому. Я прикладываюсь к простерленной солдатской каске, найденной под Великими Луками, быть может, той, что носил Александр Матросов. Прикладываюсь к танковой гильзе, в которой солдаты сегодняшней воюющей армии привезли землю из-под развалин Бахмута. Обнимаю холм, слушаю его глубинные гулы — так гудит русский реактор, вырабатывая энергию русской истории, толкающий эту энергию вдаль, вперёд через века, к божественной русской мечте, к чудесному воскрешению. Россия, двигаясь по таинственной синусоиде, воскресает и умирает, и вновь воскресает. И будет воскрешение, после которого не случится смерть, а наступит бессмертие. Воскреснут люди, все поколения от начала рода людского. Воскреснут все звери и птицы, носившиеся по лесам и холмам, чертившие своими крыльями небо. Воскреснут все затоптанные цветы, все порубленные леса. Наполнятся водами все ископаемые озёра и реки. Восплывут из океана все утонувшие континенты. Загорятся в небе погасшие звёзды, вспыхнут исчезнувшие галактики. И Вселенная во всей своей необъятности воскреснет, все вселенские времена, все космические эры — вплоть до того мгновения, когда Господь раскрыл свои врата и из этих врат излился мироздание.

Мироздание, пережив своё воскрешение, представ во всей полноте, вернётся к Богу. Бог некогда растворил свои врата и выдохнул из себя мироздание, сотворил мир. Теперь Господь вновь открывает свои врата и вдыхает обратно сотворённое им мироздание. И оно со всеми людьми и птицами, планетами и галактиками возвратится к Богу. Станет Богом. Россия, воскрешённая, бессмертная, поведёт мироздание к Богу. Россия, как бессмертный знаменосец, несёт хоругвь своего воскресения.

Александр ПРОХАНОВ
Рисунки автора

ЗНАМЕНОСЕЦ

тает их с Крымской земли. "И тридцать витязей прекрасных / Чредой из вод выходят ясных, / И с ними дядька их морской".

Война в Донбассе, причин которой названо много, и число этих причин всё увеличивается, — это война за Херсонес, за русское бессмертие, за русское пасхальное воскрешение, за тот драгоценный, божественный идеал, во имя которого была создана Россия и к которому во все века стремится русский народ.

Народы покидают стойло глобализма и выходят на авансцену, каждый в своей неповторимой красоте самосознания, суверенности. Большие народы предлагают миру свой идеал, свой пример для подражания, стараются очаровать, пленить остальные народы своей великой вселенской мечтой. Китайцы предложили человечеству грандиозный проект "Один пояс — один путь". Они внесли в документы партийных съездов идею Китайской мечты. Заявили об идеале китайского человека, здоровья и прекрасного телом, доброго, справедливого, творческого, неодолимого в своих благих побуждениях. И этот идеал предлагается миру для подражания.

Америка Трампа собирает свои гигантские силы, чтобы ошеломить мир технологическим прорывом. Готовит новые атомные, цифровые, космические технологии, создаёт сверхновый, сверхискусственный сверхинтеллект, который заявит миру о бессмертии. Идея бессмертия вынашивается в трансгуманистских лабораториях, в секретных научных центрах. Идея человека бессмертного должна очаровать мир, повести вслед за Америкой все остальные народы.

А что Россия? Какой идеал она предлагает миру? Какой идеал она предлагает себе самой? Этот идеал стараются сформулировать высоколобые учёные, смышлённые теоретики, озарённые философы, боготроковенные метафизики. Предлагается идеал Беловодья — русского народного рая, православный идеал Царствия Небесного. Неосталинцы вновь заговорили о "бриллиантовом коммунизме". Всё это — сокровища, которые извлекаются из сундуков прошлого. При всей их красоте на каждом из них лёгкая пудра патины. Они израсходованы в прежних периодах русской истории, вливают свои энергии в сегодняшний русский идеал, объясняя его как совокупность этих великих откровений прежних времён.

Идеалом сегодняшней России является победное воскрешение — то, которое каждый раз побеждает саму смерть, постигающую русское государство. То воскрешение, которое не даёт погибнуть ни одной душе, ни одному стиху, ни одному цветку, не даёт различиться любящим друг друга отцам и детям. Воскрешение из мёртвых — как радикальное воплощение живущей в каждом человеке мечты. Сегодняшняя Россия, возрождаясь из праха, совершает своё священное воскрешение, возвращается к божественному идеалу, ради которого была создана Господом Богом. И все совершаемые сегодня в России деяния, самые прозаические и земные, — деяния священные, литургия священного пасхального воскрешения. Война, которую Россия ведёт сегодня в Донбассе, — это война против адских сил, которые сорок лет назад вырвали Россию из истории, обрели её на исчезновение, остановили русское время. Война в Донбассе — это война против ига, великий исход России из адской тьмы, священное, пасхальное возвращение в историю. Война, которую мы введём в Донбассе, — священная. Войны, штурмующие опорный пункт, ведущие изнурительную контрбатарейную борьбу, прорывающие на штурмовиках неприятельскую ПВО, — все они, солдаты и генералы, овеяны святостью. Война в Донбассе — это война за русскую государственность, за Херсонес.

дороге, блеск бриллианта на женских перстах, ветер, упавший на воду пруда россыпью серебра. Бунин стремился удержать исчезающую жизнь, навеки закрепить улетающий миг. Воскрешал в своих дивных книгах умершее бытие. "Написание же яко одушевление".

Озеро Светлояр в Нижегородской губернии — волшебное место русских сказов, верований, ожиданий. Озеро круглое, как блюдо, сплошь до самой воды окружено лесами. Блюдо зелёное, голубое, в отражении лесов и небес. Сюда со своими домами, посадами, храмами, колокольнями опустился, скрылся от смерти и разорения град Китеж. Ждёт часа, когда минуют земные беды, и он всплывёт из вод в своей первозданной красе. Случится дивное воскрешение. Я стоял на берегу озера Светлояр весной, когда леса, ещё безлистны, уже наполнились изумрудным туманом, и на тёмной земле цвели голубые подснежники. В лесу печально пела одинокая весенняя птица. Я смотрел на воды. Они трепетали, содрогались, становились розовыми, золотыми, перламутровыми. Казалось, в глубинах происходит движение. В молитвенном ожидании я ждал, когда из вод поднимутся золотые кресты, разноцветные главы, белоснежные церкви, рубленные избы посадов. По улицам покатят телеги, затопчут кони, зашумит многолюдье, загудят колокола. Случится дивное воскрешение. Но было тихо. Только пела в лесу одинокая весенняя птица. Чудо готово было явиться, но не случилось, отложило своё появление на год, когда явился Крым в своей лучезарной красоте и божественном сиянии Херсонеса. Град Китеж всплыл по моим молитвам. Я верю, что моими молитвами Крым из озера Светлояр был возвращён России.

Сегодня мир, ужасаясь, ждёт, когда взлетят с аэродромов стратегические бомбардировщики и скинут на мировые столицы атомные бомбы. Когда из-под земли, из океанских глубин прыгнут баллистические ракеты и упадут на города и страны термоядерными испепеляющими взрывами. Мир ждёт Третьей мировой, ждёт окончания века. Мой разум с юности был полон этих термоядерных вспышек. Ещё студентом авиационного института я слушал курсы по ракетостроению. Нам объясняли, как бомбардировщик, подлетая к цели, сбросит свои ядерные бомбы, и, чтобы не попасть под ядерный взрыв, он должен взмыть свечой, совершить в небе "мёртвую петлю" и уйти обратно, оставляя за собой дымящуюся воронку там, где когда-то был Вашингтон.

В юности в геологической партии я работал радиометристом, и стрелка моего радиометра начинала отклоняться, когда у меня под ногами открывались оранжевые выступы урановой руды. Мне, единственному из советских писателей, государство открыло и показало свою "атомную триаду". В Орше, на аэродроме, где базировался полк стратегических бомбардировщиков Ту-16, я видел, как загрохатывают в бомбовоз ядерные бомбы, раздают командирам скрепленные сургучными печатями конверты. Там значились цели для бомбометания. Полк зывмывал, и мы летели в сторону Польши, Германии, чтобы долететь до западногерманского города Целле и разбомбить его ядерными зарядами.

Я спускался в подземную шахту, где стояла стратегическая ракета. Я чувствовал запах этой ракеты. Она пахла металлами, пластмассами, сладковатыми испарениями, была живой и дышащей. Я трогал эту ракету, прикладывал к ней ухо, думал, что полость, где я нахожусь, в Судный час наполнится огненной плазмой, и я, превращённый в пар, полечу вслед за ракетой к цели. От её попаданий оплавится стальная Эйфелева башня, превратится в пыль Вестминстерское аббатство, статуя Свободы бесформенными глыбами упадёт на берег Гудзона.

родинском поле на цветок колокольчика. Удерживается той жертвенной сестрой милосердия, что в госпитале под Донецком отдаёт свою кровь раненым ополченцам. Смерть удерживается самой жизнью, в которой заложено одоление смерти, стремление к бессмертию, чудо вечного воскрешения. Победа над смертью есть высшее предназначение жизни — жизни травы, небесной птицы, морской рыбы и человека.

Когда мы ищем это глубинное, таинственное предназначение, ради которого был создан русский народ, нам открываются смыслы его сотворения, его существования в истории. Русская Победа, которую мы празднуем ежегодно, — это Победа над смертью. Над смертью любимого человека, любимой Родины, любимого мироздания.

Русский народ воскресительный, его история победная, пасхальная. Он каждый раз воскресает после чудовищной исторической смерти. Его великие труды, подвиги и откровения — это борьба со смертью и её одоление. Смысл русской истории — в бессмертии, которое мы добываем для себя, и этим добытым бессмертием делимся со всем остальным человечеством. Сотворение мира, в котором нет смерти, нет насилия, там, нет адских ядов, — сотворение этого мира есть смысл всей русской истории, есть глубинное содержание Русской Мечты, от языческих древних времён с "молодильными яблоками", с "мёртвой" и "живой" водой, с православным чаением Царствия Небесного, с большевистским устремлением в "земной рай", "бриллиантовый коммунизм".

В России все живущие в ней народы — православные, мусульмане, иудеи, буддисты, шаманы — все заговаривают смерть, не пускают её, побеждают её. У всех народов своя культура, свой язык, свой участок звёздного неба над головой. Но все народы едины в стремлении побороть и преодолеть смерть, воскресить умершее, не пустить драгоценную родину в погибель, одержать победу над смертью. Сокровенная триада, объясняющая исторический путь многонациональной России, звучит: "Один народ. Одна судьба. Одна Победа". "Народ народов". "Судьба судьбы". "Победа побед".

Вюности, в предчувствии творчества, в постоянном ожидании чуда, среди разнотравья лугов, свержающих ручьёв, ароматной цветочной пылью, мне явился ангел. Так я называю теперь тот дивный возникший передо мной столб света до самых небес. Этот свет оторвал меня от земли и поднял в небеса. Земля чуть виднелась внизу, а вокруг меня в новом открывшемся мире сверкала иная жизнь, жили иные стихии, явились иные, едва различимые для моих ослеплённых глаз существа. То, к чему я прикоснулся, было прекрасно, любимо. Я испытал небывалое счастье, несказанную любовь. Это была красота, она звала меня, любила, обожала. Она была родной, изначальной. Из неё я явился в жизнь и вернулся в неё, сольюсь с ней. Ангел показал мне эти миры и опустил обратно на землю в цветы и сверкающие ручьи.

Тогда я не разглядел эту неописуемую красоту, я только узнал, что она есть. И всю мою последующую долгую жизнь, во время всех моих скитаний, войн, любовей, потерь, в моих писаниях и откровениях я разгадывал то диво, которое мне показало. Это была Россия небесная, предвечная, божественная, изначальная, питающая своим Фаворским светом Россию земную.

Теперь, спустя многие десятилетия, я чувствую прикосновение тех ангельских рук, ищу повторения той любви, той несказанной счастия.

Я разгадываю сущности, которых коснулась моя душа. Мне открылась "Симфония пяти русских империй", когда одна сменяет другую по таинственной синусоиде. Россия движется от великих потрясений к величию, обрушивается в пропасть и вновь